

Евгений Никитин: «Рок-музыка давно умерла, одна попса осталась беспонтовая»
Звезда Мариинки о спектаклях, где артисты одеты «из секонд-хенда как бомжи»,
«руссофобском» «Борисе Годунове» в своем театре и идеалах Ленина

Роскошный голос Евгения Никитина в партии Эбн-Хакиа стал настоящим украшением концертного исполнения «Иоланты» Чайковского — очередного проекта ГСО РТ Александра Сладковского. После выступления в Казани «БИЗНЕС Online» поговорил со знаменитым «вагнеровским» певцом, полтора десятка лет украшающим лучшие оперные сцены мира, о тушике, в котором пребывает современный театр, пионерском детстве, расслабленном чуваке из «Большого Лебовски» и давнем знакомстве с худруком «татарстанских симфоников»
«МАЭСТРО СЛАДКОВСКИЙ ЖЕЛАЛ, ЧТОБЫ ВСЕ ПЕЛИ НАИЗУСТЬ, ЧТОБЫ ВСЕ БЫЛО С ОТНОШЕНИЕМ И АДРЕСАМИ»

– Евгений, в каком-то из интервью вы с присущей вам прямоотой сказали, что на самом деле не очень любите концертное исполнение опер, когда не очень понимаешь, куда себя деть на сцене. Тем не менее вы решили принять предложение ГСО РТ и Александра Сладковского г о .

– Здесь я вряд ли отличаюсь от любого другого певца. Когда на сцене есть свет, костюмы, декорации, есть куда спрятать свои недостатки, вокальные проблемы. А тут не за что спрятаться. Требуется предельная концентрация и физическая форма. Поэтому в любом концертном исполнении повышается мера музыкально-исполнительской ответственности. Не забывайте, что в концертных залах нет оркестровой ямы, зрители сидят практически в двух-трех метрах от вас, всё прекрасно видят и слышат.

– За несколько дней репетиций концертной версии «Иоланты» придумали какие-то драматические штуки для выступления?

– Нет, но маэстро Сладковский желал, чтобы все пели наизусть, чтобы все было с отношением и адресами. То есть какое-то квазидействие на сцене должно происходить. Кантатная академичность неуместна. Это не «Реквием» Верди. Опять же — зал в Казани небольшой, для исполнения в залах такого габарита вокальная форма должна быть приближена к идеальной и работать в них в разы сложнее.

– Есть какая-то специфика работы с оркестром в такого рода проектах?

– Говорить о специфике сложно. Зал, состав, оркестр, город, день, вечер — все это важные составляющие, и специфика разная у каждого концерта так или иначе.

– А в столице в большом зале Московской консерватории будет сложнее или проще? Возможно, уровень ответственности значительно выше?

– Думаю, там будет сложнее, потому что это второе исполнение. У всех проектов есть «синдром второго спектакля», исполнить который на уровне первого, задав самому же себе планку, бывает неисполнимой задачей. С этим сталкиваются все. Не потерять все хорошее, что было на премьере, — это становится задачей номер один. Как правило потерь бывает много, так показывает практика.

«Е С Л И Г О В О Р И Т Ь О Т К Р О В Е Н Н О , Т О Р А Б О Т А Ю Т О Л Ь К О В П И Т Е Р Е И З А Р У Б Е Ж О М»

– Лекарь Эбн-Хакиа — хоть и важная, но все-таки далеко не центральная партия «Иоланты», а вы — действительно звезда Мариинского театра, да и вообще мировой оперной сцены. Трудно было вас позвать в Казань на такую роль?

– Эбн-Хакиа — очень важная драматургическая роль и вокально сложная партия. Ее всегда во все времена пели маститые певцы. Это во-первых. Во-вторых, эта партия написана для моего типа голоса, поэтому в этой опере я нахожусь четко на своем месте. В «Иоланте» лично мне петь больше нечего.

– Правда ли, что вы давно знакомы с худруком ГСО РТ Александром Сладковским?

– Тысячу лет, еще с Петербургской консерватории. Но не виделись очень давно. Что делали вместе в Питере? Да просто общались, без всякой музыки. И это вообще первый наш творческий совместный проект. Уверен, что не последний. Потому что было четкое понимание задач, общая энергетика, абсолютное согласие по всем пунктам исполнительских проблем, которые перед нами стояли.

– И нынешний опыт работы в Казани для вас тоже первый?

– И в Казани я никогда раньше не был. А если говорить откровенно, то работаю только в Питере и за рубежом. В российские театры меня не зовут, за исключением

Владивостока с момента его переименования в «Приморскую сцену Мариинского театра».

— Вот как. А этому есть какое-то объяснение?

— Есть, я очень занят за рубежом в последние 15 лет.

— Вы где-то рассказывали, что не выступаете в «Ковент-Гарден», потому что вас побаивается тамошний директор по кастингу Петер Марио Катона. Может, в Большом театре тоже самое?

— Катона меня вовсе не боится, с какой стати? Просто не любит, я ему не нравлюсь. Вот и все. А в российские театры не знаю, почему не зовут. Очевидно, у них своих кадров хватает.

«Я ЛИЧНО СЛИШКОМ ЗАНЯТ, И У МЕНЯ НЕТ ВРЕМЕНИ ЗАДУМЫВАТЬСЯ О ТАКИХ ВЕЩАХ, КАК СЛАВА»

— Понимаю, что об этом вас спрашивают в каждом интервью, но не коснуться вашего брутального облика рок-звезды невозможно.

— К этому совершенно не стремился, так просто получилось. Я такой, какой есть. Меняться поздно.

— Кажется, если бы кто-то всерьез занялся популяризацией оперного искусства в России, то вас нужно было использовать в этом деле. На телевидение водить в разные программы, где звезд женят, одевают или они что-то готовят на кухне. И молодежные субкультуры вас бы принимали за своего: рокеры, скинхеды, футбольные фанаты...

— Мне кажется, у нас оперное искусство достаточно популярно и тащить туда рокеров, скинхедов и футбольных фанатов совершенно нет никакого смысла. У оперного искусства есть своя понимающая аудитория, наличия которой вполне достаточно для того, чтобы искусство жило. Смешение жанров я не принимаю — надо ходить на то, что нравится. Зачем кого-то заставлять что-то любить? Фанат пусть ходит на футбол, рокер — на рок-концерт, а любитель живописи — в Третьяковку.

– А недостатка славы не испытываете? Все-таки у оперного артиста она, как ни крути, ограничена, независимо от масштаба певца, за редчайшим исключением.

– Настоящий художник о славе не думает. Он творит. Слава может случиться, а может и нет. Я лично слишком занят, и у меня нет времени задумываться о таких вещах, как слава.

– Знаменитые татуировки вам мешают или помогают в работе? Не приходится отказываться от постановок, где они могут помешать реализации режиссерского замысла?

– Не мешают и не помогают. Они вообще не имеют ни малейшего отношения к тому, что я делаю.

«Я НЕ ПРОТИВ ЭКСПЕРИМЕНТА, НО ТАЛАНТЛИВОГО. А СЕЙЧАС ИНОГДА НА «НАФТАЛИН» СХОДИТЬ ИНТЕРЕСНЕЕ»

– Вы в беседах с журналистами традиционно очень жестко проходите по так называемой режопере, говорите и про непрременный «член на сцене» и даже про «режиссерские экскременты». Не слишком это жестко и радикально по отношению к современным художникам?

– Не хочется ругаться на это, театр должен куда-то двигаться, но в последнее время он не движется, вот в чем беда. Проблема в том, что он забуксовал. Вся режиссура сегодня — это постоянная обнаженка, то голубые, то лесбиянки. Все крутится вокруг нижнего э т а ж а и не имеет ничего общего с классической музыкой. Вся идея сегодняшнего театра сводится, извините, к писькам, и больше ни к чему. Но помимо всего этого ведь есть и Чайковский, и Моцарт, и Верди. А о них как-то забыли.

– Есть ощущение, что на самом деле большинство оперных певцов разделяют вашу точку зрения.

– А что интересного певцу, когда вся эта беготня на сцене, хождение колесом, с самоваром, веником, пряником — это же все мешает пению! Раньше выходили и спокойно пели, попробуйте сейчас это сделать! Все в сегодняшнем театре мешает исполнять свою часть раб о т ы . А режиссеру все равно, как вы будете

выкручиваться. Ему важна картинка, как выстрелит его постановка. Но то, что певец ставится при этом в невозможные условия для творчества, — об этом никто не думает. Поэтому певцы и не любят режиссерский театр из-за того, что там много лишнего — ни с вокалом ничего общего не имеющего, ни с музыкой.

– Разве это плохо, когда оперный певец еще и должен быть драматическим актером?

– Нет, это замечательно, надо быть драматическим актером, но оперу приходят не смотреть, а слушать. В первую очередь опера — это музыка, а во вторую — драматическое действие, декорации и привязанный сюда сюжет. Режиссерские извращения мешают воспринимать м у з ы к у . Я не против эксперимента, но талантливого, а сейчас иногда на «нафталин» сходить интереснее. Исторические дорогие костюмы, красочные декорации ни в какое сравнение не пойдут с дешевыми современными постановками, когда стоит на сцене стул, экран с м у л ь т и к а м и , а одеты все из секонд-хенда как бомжи. Дешево, впрочем.

Но опера должна выглядеть дорого. Сегодня много интересных режиссеров, но нет интересных постановок. Театр в тупике. Все уперлось в деньги. Как и всегда.

«ГДЕ ВЫ УВИДЕЛИ У МЕНЯ ИМИДЖ ПАТРИОТА? Я — ПИОНЕР»

– Вы на сегодняшний день — главный исполнитель партии Бориса Годунова в Мариинском театре. Вам комфортнее петь в классической постановке «Бориса Годунова», которую сделал много лет назад еще Андрей Тарковский, или ближе была недавняя постановка британца Грэма Вика, которая вызвала немало споров, где действие было перенесено в Россию наших дней?

– Мне как раз понравился спектакль Вика. Он интересно прочитал эту историю, и спектакль получился интересный. Он выстрелил, его записали на DVD, показали по «Меццо», но быстро забыли про него, опять вернули Тарковского. Почему? Потому что публике ближе классика. Публику не обманешь. Все это спектакли-однодневки, которые проходят и уходят. А на Тарковском до сих пор полный зал с 1988 года.

– Вот и на спектакль Вика, говорят, не очень хорошо продавались билеты...

– Может быть. Все-таки на современную Россию посмотрел Грэм Вик глазами

англичанина. Ровно так, как он увидел это из Лондона, и показал. Мы же этих нюансов не видим, а в зеркало на себя смотреть не любим. И многие посчитали эту постановку несколько «русофобской», вот она и не пошла.

— Но кажется, что у вас как раз такой имидж патриота. Вы хоть и много работаете на Западе, но к нему не испытываете особого пиетета.

— Где вы увидели у меня имидж патриота? Я — пионер. Давал пионерскую клятву. Верил в идеалы революции, в Ленина и пятилетку в четыре года. И в светлое будущее тоже. Все это на моих глазах уничтожили. О каком патриотизме вы говорите? Прикальваете, что ли? (Смеется.) Мне вообще не интересно после 1991 года все, что происходит на нашем политическом небосклоне. Потому что это цирк.

— Вы признанный «вагнеровский» певец, что редкость для артиста из России. Но вы и к этому спокойно относитесь? И даже вроде как не очень любите Вагнера.

— Делай, что должен, и будь, что будет. Я люблю Вагнера. И посвятил его музыке свою жизнь.

— Так получается, что сейчас в вашем текущем репертуаре русских опер меньше, чем иностранных. Вы их тоже не слишком жалуете?

— Вы очень странно ставите вопрос. Я занимаюсь тем, что у меня хорошо получается. И это не значит, что я не люблю чего-то другого. Если я занимаюсь немецкой музыкой, это не значит, что мне не нравится Мусоргский.

— А из русских композиторов кто ближе всего по пафосу к Вагнеру?

— Мне нравятся симфонии Мясковского.

«Я ПЕРЕСТАЛ РАСПЫЛЯТЬСЯ. ЛУЧШАЯ МУЗЫКА — ТИШИНА»

— О вашей молодости рок-музыканта тоже хорошо известно. Все еще барабаните в свободное время? И что слушаете из тяжелого рока?

— Я перестал распыляться. Лучшая музыка — тишина. Это я вам как музыкант говорю. А рок-музыка давно умерла, одна попса осталась беспонтовая.

– Какие у вас еще есть способы отдыха? Вы себе хотели вроде бы завести маленькую свинку.

– Хотел, но у меня не будет времени с ней заниматься, это на пенсии.

– Еще мне понравилось, что ваш любимый фильм — «Большой Лебовски». Это очень по-рокнролльному.

– Ну не то чтобы самый любимый фильм. Просто очень хороший фильм братьев Коэн. Ассоциирую ли я себя с главным героем? Нет, герой Джеффа Бриджеса — совсем расслабленный чувак, у меня все-таки есть какая-то дисциплина.

– Но вы честно признавались, что с дисциплиной бывают промашки. И спектакли, и концерты приходилось отменять... Как сейчас с этим делом обстоит?

– Мало ли что когда-то у кого было. Я повзрослел. Мне 44 года. Пора уже задуматься о своем месте.